МОЙ ДРУГ ЖИВОТОВ

ОЧЕРК О ДОБЛЕСТНОМ ХУДОЖНИКЕ ГАЗЕТЫ «ЗАВТРА»

Животов прекрасен. Он остроумен, лёгок и элегантен. Во взгляде его есть чарующая рассеянность — мерцающее и неуловимое отсутствие. Как будто частью своей души он не с нами, а где-то далеко, за горами, в стране радостного ветра, среди изумрудных заливных лугов, в краю блистающих зеркальных озёр.

Мы так давно дружим, что в горниле пылающих лет, в туманных завихрениях прошлого тонут имена, события, даты. Память человеческая избирательна и предвзята, а бег времени стремителен. Современность побрасывает в топку мировой истории угольку. Однако грядущие великие сдвиги, раскаты всемирных трансформаций не сотрут волшебный оттиск прожитых дней.

Участники выставки «Русский пожар» Геннадий Животов, Василий Проханов, Андрей Фефелов. Фото Ханса-Юргена Буркарда. 1994 г.

НА СТЫКЕ ЭПОХ

Животов родился в 1946 году. Стало быть, в 1991-м — роковом, поворотном, самоубийственном — ему было 45 лет. Была прожита полноценная взрослая жизнь в сверхдержаве, в чётких рамках и особых условиях мощнейшей советской империи. Вторую половину жизни ему суждено проживать в другой по духу и строю стране, в эпоху зыбкую и туманную. Будущее слепо. Жизнь поделена на период до Катастрофы и период — после… Сам Геннадий Васильевич не раз говорил, что подобный опыт, если подойти к нему творчески, если подойти к нему аналитически-бесстрастно, даёт возможность познать взбалмошный дух нашей матери-истории, а по сути — объять необъятное, объяснить необъяснимое.

Как говорит Животов: "История ничему не учит, но делает нас сложнее".

Да, эти два мира — советский и постсоветский — навсегда разделены огненной рекой, но над разверзшейся адской пастью, как тоненькие нити, тянутся человеческие судьбы, сшивая и соединяя два противоположных берега.

Дед Животова переехал в Сибирь из Центральной России в начале XX века, как столыпинский переселенец. Сам Геннадий Васильевич родился в Кемерово ровно через полтора года после великой Победы. Отец — ветеран Великой Отечественной, профессиональный водитель. Во время войны на грузовике метался под огнём к линии фронта и обратно, не раз попадал под германские бомбёжки. После Победы шоферил, гонял на гигантском бензовозе, носил униформу — специальное несгораемое пальто с пропиткой. У грузовика имелась железная цепь, необходимая для заземления и волочившаяся сзади. Маленький Генка, надев коньки, хватался за эту цепь и восторженно мчался по зимнику, влекомый вперёд суровой отцовской машиной.

"Моя жизнь в городе Кемерово проходила в двух шагах от дома, построенного немецкими военнопленными. То было красивое четырёхэтажное здание, и оно казалось мне тогда небоскрёбом. На доме была мачта со звездой, рядом — белая скульптура пионера со знаменем. Здесь строились линейки летних пионерских лагерей. Там же мы заливали каток, играли в футбол, дрались…"

Животовы жили в самом центре города, но, что называется, в частном секторе. У них был свой деревянный дом, сад, огород и даже двор для скотины. Держали уйму кур, четырёх индюков, двух свиней и одну корову. Погреб был забит картошкой, солениями, вареньем, маринованными грибами. Первый в городе частный автомобиль (та самая "Победа") принадлежал его отцу.

Автомобилизм, домоводство и огородничество — к этому Геннадий Васильевич никогда во взрослой жизни не возвращался. Геннадий Животов — образцовый горожанин, любитель галерей, аудиторий, парков и общественного транспорта.

ВЫБОР СУДЬБЫ

Как так получилось? Почему Животов стал художником?

Главный фактор: материнское благословение. Первые успешные опыты детского рисования вызывали неизменное восхищение матери, искренний и неудержимый её восторг. Вдохновение и творческий импульс на всю жизнь даются нам в детстве самыми близкими людьми. Судьба Животова — тому подтверждение.

Второй фактор: в школе преподавала некая учительница — "из ссыльных". Дама с образцовым гуманитарным образованием. Переехать из Ленинграда в Кемерово ей пришлось после убийства Кирова. Так советская система оплодотворяла великое пространство, распыляя по обширным северным провинциям отдельных особо отличившихся представителей образованного класса.

Третий фактор: семья на протяжении многих лет выписывала журнал "Огонёк", в котором была завораживающая глянцевая цветная вкладка. То были сочные репродукции картин русских художников XIX века. Позже, приехав в Москву, юный Животов первым делом кинулся в Третьяковку и был ужасно разочарован. Выяснилось, что сталинская полиграфия значительно освежала палитру передвижников. Оригиналы оказались весьма безрадостными.

Четвёртый фактор: в Кемерово тогда был прекрасный Дом пионеров. В Доме пионеров был бесплатный кружок рисования. В кружке преподавали классные педагоги. А училась там заряженная любовью к искусству, нацеленная на всестороннее развитие своих способностей и умений пылкая советская молодёжь. Без выходных и праздников эта ватага только и делала, что рисовала, рисовала и рисовала. Этюды, пленэры, натюрморты, лекции, снова этюды…

И наконец, пятый фактор: когда Животову стукнуло 15 лет — а это был, на минуточку, 1961 год! — в Кемерово приехала группа молодых художников из Ленинграда. "Это были выпускники Академии художеств имени Репина. Они внесли в нашу жизнь волну новизны, красоты, широты. Художники разных направлений: монументалисты, иллюстраторы, графики, — они устраивали у нас свои выставки, в этих работах был такой столичный шарм, такой уровень… Они много рассказывали о своей жизни и зародили во мне желание ехать поступать в Москву или в Ленинград".

ЦАПЛИН

Оказавшись первый раз в Москве, шестнадцатилетний Животов устроился подмастерьем к скульптору Дмитрию Цаплину — мистическому гению-отшельнику, чья слава прокатилась по Европе в начале 1930-х годов. Западная пресса писала тогда про него: "Грандиозен и динамичен…" То был мастер монументального жанра, скульптор-самородок, выражавший своим творчеством хтонический дух глубинного народа.

"Цаплин — самый тяжёлый, самый почвенный, самый глубокий художник из всех мне известных.

Я наблюдал, как Цаплин работает, ворочает свои глыбы, примеривается к камню, делает первый удар резцом… Видел, как он сосредоточенно отдыхает от работы. Как отрешённо, почти механически распрямляет молотком большие столярные гвозди, а потом вдруг озаряется мыслью и бросается к скульптуре. Помню, как он руками прощупывал свои работы, гладил их, как живые существа.

Всплывает в памяти одно особо жаркое лето: я проснулся в мастерской Цаплина, лёжа на полосатом матрасе среди удивительных изваяний. В гости к Дмитрию Филипповичу пришли балерины Большого театра — молодые девушки в лёгких облегающих платьях. Они пришли смотреть скульптуры, желая в мастерской мэтра насладиться высоким искусством.

Однажды на моих глазах театральный солист, взирая на одну из работ Цаплина, захлебнулся в рыданиях. Это был катарсис! Таково было влияние творчества Цаплина на души…

Нас было несколько молодых людей, которые толклись в мастерской у престарелого мастера. Иногда он приглашал нас в свою квартиру на Тверской. Жаркое утро, мы сидим с Цаплиным на балконе, едим арбуз и спорим до исступления… О чём мы тогда спорили?! Не могу никак вспомнить. Видимо, речь шла об искусстве. Другие вопросы Дмитрия Филипповича не интересовали.

Выходя на Красную площадь, мне чудилось, что я хожу по каменным лбам его скульптур. То были удивительные каменные рыбы, крабы, раковины, пригнанные и уложенные в виде брусчатки. Этот странный образ со мной и поныне…"

ИСПЫТАНИЕ ПЕРЕСТРОЙКОЙ

В советское время Животов успел отслужить срочную, окончить Строгановское училище, поработать дворником на Арбате, обзавестись семьёй, вступить в Московский союз художников, устроиться преподавать рисунок в МАРХИ, получить просторную мастерскую на улице Алексея Толстого, организовать персональную выставку, съездить в командировку в Афганистан и быть награждённым серебряной медалью имени М.Б. Грекова за цикл работ "Афганский дневник".

"В Афганистане я был два раза. Первый раз три месяца, потом ещё месяц. Мы работали на оформлении Дома дружбы в Кабуле. Когда возникла необходимость ехать, я поехал, но не потому, что так уж рвался туда, а просто остальные заболели и не поехали. Я там монтировал собственные фонтаны из фарфора и мозаику.

Война в это время была крутая. Первый раз, когда улетали, американская радиостанция сообщила: "Разбомбили советское посольство в Кабуле". Прилетаем, едем обедать в посольство. Там танки стоят, все засыпанные осенними листьями. Сто лет уже не стреляли. Врали вражьи голоса.

Боевых действий я не видел. Но по ночам там всё время трассеры летали: афганские солдаты развлекались.

Ездили в окрестности Кабула, к дворцу Амина ездили. Обломки, развалины. Едешь, перекрестье дорог, кругом горы. И стоит наш парень, х/б такой белизны, выжженное солнцем. И сам блондин, в панаме".

Позднее именно афганская тема первый раз свела Животова с "соловьём Генштаба" Прохановым. Пока мимолётно, по касательной.

В глухие брежневско-андроповские времена Животов, как большинство представителей интеллигенции, был во фронде. Культурная среда в позднем СССР была в основном западническая, с чувствительным еврейским привкусом. Также под государственным спудом шевелились группки русских националистов с почвенно-деревенским уклоном. И те, и другие тайно ненавидели советскую власть и почти открыто издевались над фальшивым и скучным официозом.

Животов примыкал больше к первым. Он понимал и ценил западную культуру, уважал авангард, посещал диссидентский кружок, близкий к журналу "Юность".

Позже что-то сломалось. По словам Животова, возникло какое-то внутреннее отторжение от всех этих людей, беспрерывно глумящихся и нападающих на окружающую действительность.

В стране уже клубилась Перестройка, разъедались советские мифы, распадались привычные смыслы, трещала и крошилась система.

Коллективный Шендерович из маленького колченогого развесёлого карлика вдруг превратился в чудовищного когтистого монстра и с резким хрустом распахнул над страной свои громадные нетопыриные крылья.

Впечатление Животова от всего этого хорошо передают слова лирического героя Шарля Бодлера, повстречавшего на улицах Парижа семерых агасферов:

Ясно ль вам, обделённым,
глухим от природы,
Не сумевшим почувствовать
братскую дрожь:
Пусть от немощи скрючились
эти уроды,
Был на сверстника Вечности
каждый похож.
Может быть, появись тут
восьмой им подобный,
Как ирония смерти над миром живых,
Как рождённый собою же
Феникс безгробный,
Я бы умер — но я отвернулся от них.

РУССКИЙ ПОЖАР

"Буржуазия жестока и беспощадна" — эти слова произнёс Животов в полной тишине. Я зашёл в подвал его мастерской на улице Алексея Толстого — опалённый, омрачённый событиями, которых я был свидетелем и непосредственным участником — и молчал. Шквальный огонь по демонстрантам в "Останкино", уничтожение палаточного городка у Дома Советов, танковые удары по зданию российского парламента, ночные расправы на стадионе, введение в Москве чрезвычайного положения, возвращение цензуры, закрытие газет, волна арестов, варварский погром в редакции газеты "День". То был кровавый финал ельцинского госпереворота, отмеченный бойней в центре Москвы 3—4 октября 1993 года.

Утром 5-го числа Животов самолично ходил к месту событий, видел, как на мокрой траве в парке имени Павлика Морозова штабелями укладывали окоченевшие трупы убитых защитников советской Конституции.

Так возник легендарный "Русский пожар" — протестная выставка, организованная в мастерской Животова. Мебель, картины, коробки с красками — всё было вывезено или распихано по подсобкам. Автор этих строк всю ночь красил стены, создавая в рабочем помещении новое галерейное пространство.

К проекту присоединились авангардный живописец Фёдор Дубровин, яркий, оригинальный скульптор Людмила Колтухова, а также боевой генерал, художник-баталист Виктор Павлович Куценко. Всех этих прекрасных людей давно уже нет на этом свете. А причастных к "Русскому пожару" журналистов Сергея Соколкина и Александра Панова (Ромера) уже в этом году убил ковид. Сегодня хочется вспомнить эти имена, почтить память наших друзей и коллег с чувством восхищения и благодарности.

Кроме вышеперечисленных, были ещё многие. Пришли со своими наивными полотнами кустари-самоучки. Главный пафос картин — обличение разрушителей страны, палачей-убийц: Бориса Ельцина, Виктора Черномырдина, Сергея Филатова, Александра Коржакова, Павла Грачёва, Михаила Полторанина, Владимира Шумейко, Егора Гайдара и всей подпевавшей и угождающей преступникам либеральной своры. Этой сорвавшейся с цепи "демократической общественности", визжащей с экранов и в своих вечных коллективных доносах только одно: "Распни!"

В нашу галерею, как в Ковчег, набились все, кто пытался спастись от информационного террора, от кислого душка "либеральной диктатуры".

В наш подвал хлынула разноликая, многоголосая толпа. Выставка превратилась в сплошной митинг, гневные речи перемежались с рыданиями родственников убиенных демонстрантов. К нам пришёл бесстрашный режиссёр Станислав Говорухин. Обозреватель "Независимой газеты" Виктория Шохина написала тёплый, восторженный репортаж об открытии оппозиционной выставки. Публикаций в прессе было много. Грязный "Московский комсомолец", олигархический "Коммерсант", подрывная "Общая газета" истекали ядом, коверкали фамилии художников, науськивали власти, предлагая милиции разогнать логово "красно-коричневых".

На открытие почему-то пришло много иностранцев: англичане, немцы, какая-то бодрая южноамериканская коммунистка. В дни открытия за нашим скромным подвалом было установлено наружное наблюдение.

В орбиту "Русского пожара" попали Александр Дугин, Эдуард Лимонов, Виктор Анпилов. Особого колорита добавлял ударившийся было в бега, но возникший вдруг казачий сотник Виктор Морозов, который несколько раз палил в потолок из револьвера боевыми патронами.

В галерее "Русский пожар" прошло ещё несколько выставок, одна из которых называлась "Век Победы". Открытие приурочили к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Это был май 1995-го.

Тогда с нами произошёл странный случай. Одна из животовских картин называлась "Птица-тройка". С холста в пламенеющих вихрях на зрителя мчались обезумевшие кони. Возникла идея дополнить эту работу инсталляцией — абрисом Большой России, сделанной из тонкой стальной проволоки. Пока увлечённо гнули острую проволоку, обозначая границы будущего государства, незаметно исцарапали себе руки до локтей. Возникла ещё одна немая сцена: я и Животов стоим над восстановленным контуром единого государства, а с наших рук обильно капает кровь. Так инсталляция незаметно переросла в перформанс, смысл которого был ясен уже тогда: преступный и дерзкий развал великого государства рано или поздно, но неизбежно, обернётся восстановлением его прежних границ. Маятник качнётся в правильную сторону. И этот процесс, продиктованный самой логикой жизни, увы, будет мучительным и сложным, болезненным и кровавым.

ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВО ОППОЗИЦИЯ

Девяностые — обоюдоострые, нулевые — глухие… Сейчас слово "оппозиция" ассоциируется с политическими недоносками, получающими готовые лозунги и шаблоны поведения из методичек и социальных сетей. А когда-то оппозиция была у нас иной — духовной и патриотической! Её представители грезили о восстановлении нашего державного величия, мечтали вернуть Крым в состав России, призывали власти отказаться от разрушительных рыночных реформ в пользу передовых принципов стратегического планирования и государственного регулирования. Такие понятия, как "информационная война", "организационное оружие", "идеология Победы" были введены в обиход оппозиционными мыслителями и публицистами.

Долгое время единственным выразителем и рупором этой эксцентричной, пёстрой, интеллектуально-плодотворной среды была газета "Завтра" Александра Проханова. Позже к курсу движения флагманского фрегата присоединились другие оппозиционные судёнышки: "Лимонка" и "Дуэль". Эти два замечательных, в своём роде, печатных издания возникли под крылом "Завтра". Сотрудники нашей газеты растили дружественные кадры: обучали принципам газетной вёрстки, помогали с распространением, консультировали, как вести дела с типографией.

Геннадий Животов, будучи мастером академического рисунка, никогда не помышлял о газетной графике. Однако общая драматическая ситуация в стране, опыт "Русского пожара", дружба с Александром Прохановым закономерно привели художника в главную патриотическую газету страны.

Так Животов стал ангелом, разящим бесов новой русской Смуты.

С декабря 1994 года и по сей день каждую неделю свежий номер нашей газеты украшает символическая композиция, созданная Геннадием Животовым. Год за годом, месяц за месяцем, неделя за неделей — и так 27 лет упорного, вдохновенного, сосредоточенного труда.

Коллекция животовской графики с первой страницы "Завтра" — это, скажу я вам, посильнее "Капричос" Гойи.

Художник Животов — обожатель патриотических демонстраций и митингов. Он с наслаждением погружается в этот живой, тёплый, шумный, разноцветный поток.

Грандиозное многотысячное шествие на 9 мая завораживало. То был русский оппозиционный праздник 1990-х, родной дедушка нынешнего "Бессмертного полка".

Движение восторженных толп, грозный трепет гербов и знамён, гулы духовых оркестров, грохот военных барабанов и даже льющийся с передвижной звонницы весёлый пасхальный разнобой медных церковных колоколов.

Флаги, хоругви, плакаты и транспаранты. Коммунисты, хоругвеносцы, анархисты плюс маленькая группа танцующих под звуки флейты политизированных курдов. И среди всего это праздничного, ветреного, солнечного безумия вышагивает наш Геннадий Васильевич, улыбается, как Будда, внутренней торжествующей всемирной улыбкой. И кажется, что это он здесь всё и всех выдумал, нарисовал, оживил и двинул навстречу ослепительному майскому солнцу.

ТОТАЛЬНОЕ РИСОВАНИЕ

В финансовом смысле на газете "Завтра" и сейчас-то далеко не уедешь, а в девяностые и нулевые потенциальные спонсоры, встречая на своём пути наше резко оппозиционное издание, стремились побыстрее залезть в шкаф и закрыться на ключ изнутри. Всё-таки нынешнюю, с позволения сказать, оппозицию, поддерживают могущественные силы Запада. Силы, обладающие колоссальным влиянием и неограниченными финансовыми возможностями. У патриотов же ничего такого не было. Кроме надежды, что русский Бог поможет, а русская история вырулит, в конечном итоге, из либерального болота на свою столбовую дороженьку — созидательную, имперскую, народную.

В самые тяжёлые годы Животова кормила его живопись. Портреты, пейзажи, натюрморты, высококлассно выполненные в академической манере на заказ, — такова была экономическая основа жизни в беспросветные 90-е. Геннадий Васильевич любит повторять: "Нет истории искусства, есть история заказчика…"

Одновременно Животов работал над серией портретов общественных деятелей патриотического лагеря. Среди них писатели, политики, актёры, журналисты газеты "Завтра".

Третий пласт его живописи — это жанровые картины, наполненные образами современной Москвы, а также политический гротеск, перетёкший с первой полосы газеты на холст, налившийся цветом и увеличенный в размере.

Однако у Животова есть ещё одно профессиональное измерение, как бы параллельная судьба. Всю жизнь Геннадий Васильевич занимается преподаванием. Более 40 лет он преподаёт дисциплины "рисунок" и "живопись".

Учить других он начал ещё со студенческой скамьи. Учил детей в художественной школе, студентов в Архитектурном институте, затем открыл собственную студию у себя в мастерской, и, наконец, почти четверть века преподаёт в РГГУ.

"Когда я шёл на первое занятие в качестве педагога, я мучительно думал, что же я буду делать? Хватит ли у меня наглости учить кого-то уму-разуму? Поэтому я решил эту проблему очень просто: я поставил перед учениками мольберт и начал вместе с ними рисовать".

Ещё Животов — автор оригинальной обучающей техники, которую он назвал так: "Метод тотального рисования".

Я знаю, по крайней мере, одного человека, который успешно применяет эту методу на практике. Этот человек — сам Животов.

Геннадий Васильевич не расстаётся со своим блокнотом. Вернее так: блокнот всегда при нём, но каждый раз это новый блокнот, ибо прошлый уже заполнен быстрыми набросками, сделанными с натуры.

Рисует Животов везде: на планёрках, в парках, в метро и даже в собственной аудитории. Следить за этим крайне увлекательно. Он действует сильными росчерками толстого карандаша. Стремительно двигается рука над бумагой, и, как чудо, из пустоты листа родятся вдруг живые образы: фигурки прохожих, лица коллег, наброски композиций, пейзажи, ландшафты и прочие мгновенные оттиски ускользающей реальности.

Глядя на Животова за работой, мне на ум приходят набоковские строки:

Он отвернулся от холста
и в сад глядит, любуясь свято
полётом алого листка
и тенью клёна лиловатой;

любуясь всем, как сын и друг,
без недоверья, без корысти,
и капля радужная вдруг
спадает с вытянутой кисти.

Таков он, мой драгоценный друг, Заслуженный художник РФ, художник станковой графики, живописец, монументалист, заместитель председателя правления секции станковой графики Московского союза художников, единственный и неповторимый художник газеты "Завтра", Геннадий Васильевич Животов.

Животова несколько раз сравнивали с французским мастером политической карикатуры, кумиром XIX века, Оноре Викторе Домье. Так и говорили: "Ты, Гена, наш русский Домье…" Нет, друзья! Домье был пройдохой, лягушатником и русофобом. А наш Животов красивый, тонкий и мудрый человек. Истинный русак, великий и добрый сибирский волшебник.

Андрей ФЕФЕЛОВ

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года.

Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.
E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: http://zavtra.ru/
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

Главный редактор Александр ПРОХАНОВ

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Тираж 21 100 Заказ № 6565-2021 Дата выхода в свет — 24.11.2021 г. Подписано в печать 23.11.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00